

Агафонов А. Ю., Вересов Н. Н.

«Внутреннее» — это где?

Или возможна ли не-эмпирическая теория сознания?¹

А. А. *Необычайная сложность проблемы сознания не вызывает сомнений. Что такое сознание? Для чего оно? Как должна строиться психологическая теория сознания? Что мы хотим знать о сознании? Есть предложение, подкупающее своей новизной: попытаться построить диалог вокруг обсуждения этих вопросов. Но для начала разговора, наверное, нужно обнаружить какие-то контroversы...*

В. Н. Давайте, попробуем. Без решения вопроса о сознании, психология не может обойтись. Но вся беда в том, что, думая, что это вопрос главный, мы упускаем из вида одно обстоятельство, а именно: любой вопрос (и ответ) имеет смысл только внутри некоторой системы постулатов или аксиом. Иначе говоря, для того, чтобы выстраивать теорию, мы должны исходить из некой системы допущений. Например, в классической физике Ньютона, вопрос о том, что такое движение, имеет смысл, если изначально предполагается, что есть абсолютное пространство и абсолютное время (причем и то и другое гомогенное), в котором возможны тела и движения. Так вот, психология до сих пор не отрефлектировала свои постулаты и аксиомы (то есть свои собственные основания). Я думаю, что есть в психологии одно допущение (кстати сказать никем не доказанное и не опровергнутое, ну чем не аксиома) о том, что существует нечто, называемое ВНЕШНЕЕ, и нечто, называемое ВНУТРЕННЕЕ (включая, так называемый, внутренний мир человека). В разных школах психологии это рассматривается по-разному

11

(по Фрейдю — внешнее, то есть культура подавляет внутренние импульсы, по Выготскому — внешнее, социальный мир есть источник внутреннего, то есть сознания). Но что само собой разумеется, так это то, что «внешнее» отличается от «внутреннего». И вот этот постулат о существовании внешнего и внутреннего для современной психологии имеет примерно такой же статус, как для классической физики постулат об абсолютном пространстве и времени.

¹ Журнал прикладной психологии. 2005. 2–3. С. 11–26.

И то и другое просто соответствует нашему опыту и потому считается самоочевидным. Но стоит только спросить: «Внутренний мир — это ГДЕ?» — как тут же начинаются всякие выкрутасы, типа «внутри меня, в моем сознании, в мозге и т.д.», что свидетельствует лишь об одном, а именно, что никто не в состоянии указать, ГДЕ находится этот самый внутренний мир, то самое сознание. Так что, как это не банально, прежде чем отвечать на вопрос, ЧТО такое сознание, может быть имеет смысл подумать над ответом на вопрос ГДЕ? И где граница между внешним и внутренним? Может ли «видимость — невидимость» (внутреннее невидимо, внешнее — видимо) считаться надежным критерием для их различения. Можно ли факт существования внешнего считать достаточным основанием для того, чтобы считать внутреннее существующим? Откуда вообще пошло это разделение на внутреннее и внешнее как нечто само собой разумеющееся?

Одним словом, проблема соотношения внешнего и внутреннего (которая и определяет общий подход к сознанию) сама оказывается вторичной, производной от постулата о их существовании.

Но кто сказал, что постулаты вечны? А что, если оппозиция «внешнее — внутреннее» не является абсолютной и границы между ними вообще нет? И, наконец, имеется ли у нас достаточно оснований для какого-то иного подхода?

Вы затронули очень важную и, безусловно, сложную проблему. По этому поводу я бы предложил следующие тривиальные рассуждения. (Теоретическое представление об аксиоматических основаниях и должно быть, на мой взгляд, достаточно тривиальным). Собственный психический мир носителю сознания дан в осознанных переживаниях с субъективной очевидностью. То, что я воспринимаю, в момент восприятия не смешивается с моей способностью воспринимать. Мое отношение к другому человеку не есть сам этот человек. Образ представления яблока не есть само яблоко. Мысль относительно природы сознания не есть природа сознания. Словом, существует как объективная, в смысле, не нами изобретенная, реальность наших психических переживаний. Если этой реальности нет (чего мы не можем помыслить и что противоречит опыту каждого из нас), то и разговора о том, как устроено

и пространственно организовано то, чего нет, не может быть. Таким образом, первым постулатом является констатация онтологического существования психического. Далее, мы должны с логической необходимостью допустить, что существует нечто, что качественно отличает человека от камня, укропа, курительной трубки, компьютера, дельфина и обезьяны. Это нечто назовем сознанием. Различие различия человека от всего, что существует, и могло бы существовать, неизбежно предполагает анализ «внутреннего», так как, повторюсь, это «внутреннее» определено с субъективной очевидностью. Ничего о другом «внутреннем» мы не знаем. Сомневаюсь, что вопрос о границе является корректным. Он правомерен, когда мы указываем на границу в гомогенной среде. Пространство «внутреннего» или то, что я называю пространством познавательных контуров сознания, скорее метафора. В этом смысле, конечно, нет никакой границы между «внешним» и «внутренним». Но отсутствие такой границы не говорит об отсутствии как «внешнего», так и «внутреннего». Мой стыд или моя радость для меня есть, хотя нигде кроме как во «внутреннем» я их не нахожу. Кроме того, думаю, что прежде чем задавать вопрос «Где?», мы должны понять, зачем нам ответ на этот вопрос, если непосредственность эффектов осознания не требует доказательства. Для меня пока непроницаема связь ответа на этот вопрос с решением проблемы сознания.

Почему я говорю о внешнем и внутреннем? Ведь тайна сознания, если хотите, — в переходе внешнего во внутреннее и наоборот. Почему? Если сознание это отражение внешнего мира (пока не важно каков характер этого отражения), то предполагается система отражающая (даже две системы — отражаемая и отражающая). Если это отражение даже активное, воссоздающее или создающее (или преобразующее отражение — пре-образ — перевод во образ, см. Михайлов) — все равно имплицитно предполагается наличие двух систем. Теперь к вопросу о границе.

Я хотел бы заметить, что вопрос о границе не имеет отношения к гомогенности. Почему она есть только в гомогенной среде? Разве не может быть границы между средами? Конечно, образ яблока

12

не есть само яблоко. Понимаете, дело здесь не в самой границе, а в том, что если сознание — это отражение (пусть даже обобщенное и т.д.), то вполне правомерен вопрос «А где находится образ яблока?». Вот здесь-то мы и приходим к тому, почему необходимо говорить о внешнем и внутреннем. Я согласен с тем, что первым постулатом является констатация онтологического существования психического. Но в любом теоретическом построении о сознании предполагается наличие, существование внешнего и внутреннего. Ведь вы фактически об этом говорите, констатируя онтологическое существование психического (внутреннего) и внешнего. Если я правильно понял, то с Вашей точки зрения и то и другое

- существует объективно
- определяется с субъективной очевидностью.

И, тем не менее, в Вашем построении (которое мне очень симпатично), все равно предполагается существование внешнего и внутреннего и связи между ними. Это именно постулат, или даже метапостулат, без которого и вне которого говорить о сознании вообще, казалось бы, не имеет смысла. Однако здесь есть один слабый пункт. А именно, вы постулируете, основываясь на эмпирическом опыте (называя его субъективной очевидностью). Иначе говоря, аксиома такова: объективно существует то, что дано человеку как внешнее (яблоко), и объективно существует то, что дано человеку как внутреннее (образ яблока). И то и другое дано с очевидностью. По моему, слабый пункт здесь вот в чем. Солнце восходит и заходит, и это тоже дано с очевидностью. И эта очевидность легла в основу геоцентрической астрономии. Астрономия Коперника построена на иных постулатах, просто противоречащих эмпирическому опыту, то есть этой самой субъективной очевидности.

Так вот, я утверждаю, что, если мы говорим о сознании, *возможна* (а может быть и необходима) иная аксиоматика. Сохранение старой аксиомы приведет к тому, что любая теория сознания будет просто системой обобщений эмпирического опыта. Вы спросите, а чем это плохо? Ведь, по мнению многих, теория и есть обобщение эмпирического опыта для выявления общего, для выявления законов,

лежащих в основе связи явлений, данных в опыте. Мой заход другой — я хочу выяснить, что делает возможным именно ТАКОЙ эмпирический опыт. То есть, если снова обратиться к классическому примеру астрономии, я хочу понять, почему для наблюдателя с Земли Солнце вращается вокруг Земли, хотя на самом деле все обстоит иначе. Я фактически сейчас говорю о том, что на самом деле существует два типа теорий. Есть теории рефлексивные и есть теории эмпирические. Первые потому и называются рефлексивными, что вырабатывают внутри себя аппарат рефлексивных процедур, то есть в каждом шаге рефлексии над ОСНОВАНИЯМИ эмпирического опыта. То есть постоянно «держат вопрос» о том, почему опыт такой и никакой другой (почему для наблюдателя с Земли движется именно Солнце). Что же касается теорий не-рефлексивных, или, если называть вещи своими именами, позитивистских, то строятся они в полном соответствии с научными критериями и идеалами рациональности 18 века. Есть реальность, данная эмпирически, в субъективном опыте, есть законы, которым она подчиняется. Выявление этих законов возможно путем эксперимента и обобщения полученных данных. Больше того, рефлексивные теории

1. Строятся на ясно сформулированных (если хотите, отрефлексированных) постулатах, даже если они противоречат эмпирическому опыту. Гелиоцентрическая модель явно противоречит эмпирическому опыту.

2. На основе постулатов формулируются выводы о том, почему эмпирический опыт именно таков (почему для наблюдателя с Земли КАЖЕТСЯ, что Солнце восходит и заходит). Иными словами, эмпирический опыт подвергается теоретической рефлексии.

3. Создают теоретические модели для описания реальности, описать которую ИНАЧЕ невозможно.

Как видно, рефлексивные теории существенно отличаются от позитивистских, которые строятся на обобщении эмпирического опыта с целью выявления законов той реальности, которая в нем дана. С самого начала своего существования, психология была и остается наукой позитивистской. А вот физика, например, давно уже стала наукой рефлексивной, и в этом смысле для психологии может служить прекрасным примером для подражания. Я даже не говорю о квантовой

теории. Для начала можно просто ограничиться анализом того, что стало основой физики Ньютона. Я хочу сказать, что то, что проделала физика, подвергнув рефлексивному анализу эмпирический опыт, и доказав, что на основе эмпирических данностей теорию построить НЕЛЬЗЯ, может оказаться ценным и для нас, психологов. Более того, современная философия физики с ее *преодолением*

13

понятий, казавшихся НЕЗЫБЛЕНЫМИ и самоочевидными и соответствующими опыту, представляется мне просто очень поучительной.

Приведу в этой связи некоторые мысли А. Эйнштейна по этому поводу. Так, в книге «Эволюция физики», которую я бы рекомендовал прочитать и обсудить всем, кто начинает изучать психологию (А. Эйнштейн, Л. Инфельд «Эволюция физики», М, 1965), мы находим замечательное описание эволюции физики из науки эмпирической в науку рефлексивную. Здесь прекрасно сказано об интуиции и теории. Обратите внимание на мысль об идеализированном эксперименте. Итак:

«Самая фундаментальная проблема... — это проблема движения. ...Наша интуиция связывает движение с такими действиями, как толчок или тяга... Кажется естественным заключение, что чем сильнее действие, оказываемое на тело, тем больше будет его скорость. Таким образом, интуиция говорит нам, что скорость существенно связана с внешним воздействием (стр. 9). ...Может быть, главным основанием продолжительной веры в эту интуитивную идею повсюду в Европе был великий авторитет Аристотеля. В «Механике», ...читаем: «Движущееся тело останавливается, если сила, его толкающая, прекращает свое действие» (с. 10). Открытие, сделанное Галилеем... учит нас тому, что интуитивным выводам, базирующимся на непосредственном наблюдении, не всегда можно доверять, так как они иногда ведут по ложному следу. Предположим, что некто, идущий по горизонтальной дороге с багажной тележкой, внезапно перестает ее толкать. Тележка будет двигаться еще некоторое время, пройдя небольшое расстояние, а затем остановится. Мы спрашиваем: как можно увеличить это расстояние? Для этого имеются различные способы, например смазывание колес или устройство более гладкой дороги... А что же дает смазывание колес или сглаживание неровностей пути? Только одно: становится меньше внешнее влияние. Уменьшается эффект, называемый трением, как в колесах, так и между колесами и дорогой. Это уже теоретическое толкование наблюдаемых данных, толкование, которое пока еще произвольно... Представим себе совершенно гладкий путь и колеса, вовсе не имеющие трения. Тогда ничто не остановит тележки и она будет катиться вечно.

Этот вывод достигнут только размышлением об идеализированном эксперименте, который никогда не может быть осуществлен, так как невозможно исключить все внешние влияния. Идеализированный эксперимент указывает путь, на котором фактически были установлены основы механики движения.

Сравнивая оба метода подхода к проблеме, мы можем сказать, что интуитивная идея такова: чем больше воздействие, тем больше скорость... Новый же путь, указанный Галилеем, таков: если ничто не толкает и не тянет тело или если на тело ничто не действует каким-либо другим образом, короче говоря, если на тело не действуют никакие силы, оно покоится или движется прямолинейно и равномерно, т. е. всегда с одинаковой скоростью по прямой. Следовательно, скорость сама по себе не показывает, действуют ли на тело внешние силы или нет. Правильный вывод Галилея был сформулирован спустя поколение Ньютоном в виде *закона инерции... Всякое тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, если только оно не вынуждено изменять его под влиянием действующих сил.* Мы видели, что закон инерции нельзя вывести непосредственно из эксперимента, его можно вывести лишь умозрительно — мышлением, связанным с наблюдением. Этот идеализированный эксперимент никогда нельзя выполнить в действительности, хотя он ведет к глубокому пониманию действительных экспериментов. В наших попытках понять законы природы мы подобным же образом находим, что самое очевидное интуитивное объяснение зачастую бывает ложным. Человеческое мышление творит вечно изменяющуюся картину вселенной. Вклад Галилея в науку состоял в разрушении интуитивного воззрения и в замене его новым. В этом — значение открытия Галилея. Но немедленно же возникают дальнейшие вопросы о движении. Если не скорость является показателем внешней силы, действующей на тело, то что же тогда? Ответ на этот фундаментальный вопрос был найден Ньютоном... Представим себе, что прямолинейно и равномерно движущаяся тележка получает толчок в направлении движения. Что произойдет при этом? Очевидно, ее скорость увеличится. Так же очевидно, что толчок в направлении, противоположном направлению движения, должен уменьшить скорость. В первом случае движение тележки ускоряется толчком, во втором — замедляется. Вывод вытекает сразу же: действие внешней силы изменяет скорость. Таким образом, не сама скорость, а ее изменение есть следствие толчка или тяги. Сила либо увеличивает, либо уменьшает скорость, соответственно тому, действует ли она в направлении движения или в противоположном направлении. Идя по этому верному пути, мы достигаем более глубокого понимания проблемы движения. Основой классической механики, как она сформулирована Ньютоном, является связь между силой и изменением скорости, а не между силой и самой скоростью, как мы думали, согласно интуиции» (стр. 12).

14

Простите меня за столь развернутое цитирование. Посмотрите, как была преобразована сама идея движения (и силы) в физике. Теория

строилась просто в противоречии очевидности. Что же касается психологии, то она не может похвастаться хоть каким-то прогрессом в смысле рефлексии над собственными основаниями. Это было бы и не нужно, если бы психология не находилась в состоянии перманентного кризиса. Физика вышла из кризиса, подвергая сомнению то, что казалось очевидным. А психология ищет иные пути, не подвергая сомнению основные аксиомы, главная из которых (обрекающая просто фактом своего существования психологию на то, чтобы остаться наукой эмпирической) есть аксиома о внешнем и внутреннем.

Никогда нельзя быть окончательно уверенным в том, что ты понял другого правильно, то есть в соответствии с его действительными идейными и эмоциональными посылами. Тем не менее, пренебрегая мерами интеллектуальной предосторожности, готов полностью согласиться с Вами в части рассуждений об эмпирической очевидности и необходимости построения теоретического знания на контринтуитивных основаниях. Естественно, теоретические описания и объяснения реальности, в том числе, конечно, психической реальности, включают в себя допущения о существовании явлений, находящихся «по ту сторону непосредственного опыта», то есть за пределами чувственно доступной эмпирии. Но важно различать кажимость явления и его истинную природу. Последняя, собственно, и подлежит теоретической реконструкции. Утверждение, типа: «сознание отражает действительный мир» — не более чем, констатация профанического знания. Приватный язык провоцирует нас понимать природу явления сознания как само явление сознания, то есть как конечные эффекты осознания. Сказать, что психика со своим аппаратом сознания отражает мир, еще не значит, указать на то, как это происходит, и почему мы переживаем с субъективной очевидностью происходящее вне нас. Поясню на Вашем же примере. Визуальное знание о том, что Солнце движется вокруг Земли, то есть, профаническое знание на уровне зрительного восприятия движения Солнца относительно наблюдателя, который находится в определенной точке Земного шара, — это знание о явлении, которое требует еще объяснения. Само явление для нас чувственно

доступно. Но оно является понимабельным, в силу того, что мы обладаем другим знанием, а именно, знанием о том, что Земля вращается вокруг Солнца, и только поэтому для нас объясним тот факт, что видим мы, все-таки, движение Солнца, а не движение Земли. Так вот, мы знаем, что сознание отражает мир, но не знаем истинную природу этого явления. Иными словами, мы не обладаем пока тем знанием, которое давало бы возможность понять, почему мы знаем, что сознание отражает мир. Психологи не могут разобраться с самим понятием «осознание». Что значит — осознать? Ведь это не тривиальный вопрос. Сам эффект осознания является заключительным моментом неосознаваемой деятельности сознания. Но, как и что мы осознаем? Осознаем ли мы сам физический объект, на котором мы концентрируем внимание? Или при этом осознается что-то другое, хотя мы и переживаем факт присутствия, например, дерева, в перцептивном поле? А если осознается объект, он что, является содержанием сознания? Чем же оперирует сознание, если становится возможным эффект осознания? Не деревом же... Словом, я хочу сказать, что, теории с необходимостью строятся в отношении к основаниям эмпирического опыта. В истории психологии почти всегда так было, за исключением, пожалуй, ортодоксального бихевиоризма. Хотя и бихевиористы были вынуждены вводить эмпирически не фиксируемые «промежуточные переменные», чтобы спасти свою стимульно-реактивную парадигму. Ни «творческий синтез», ни «психические обертоны», ни механизм вытеснения, а также ни архетип Тени, установки, «чувственная ткань сознания» или «стремление к превосходству» не даны в осознании, но являются в авторских теоретических построениях теми конструктами, которые используются для объяснения осознаваемого, будь то, ошибочное действие, безрассудный поступок или любовная страсть. Только допуская существование непредставимого и невозможного с точки зрения опытного наблюдения, можно выстроить эвристичную, с сильным объяснительным потенциалом теорию. И рефлексивная теория, если уж пользоваться Вашей терминологией, также открывает нам план понимания эмпирических феноменов. В противном случае, зачем она нужна?

В сравнении с физикой, по уровню развития психология сейчас находится на стадии Ньютоновской механики. Мы не понимаем пока психомеханики сознания, что уж говорить о ментальной термодинамике... Пока мы не выстроим логику работы сознания, мы не двинемся в понимании природы психического.

Мы несколько отошли от исходной темы обсуждения. Мы говорили о том, где же это неуловимое психическое? Возвращаясь к началу, хотел бы

15

тогда иначе сформулировать вопрос: «Если мы каким-то образом (мне даже не мыслится каким) пойдем, где локализован психический аппарат, если мы как-то ответим на этот вопрос, что нам это даст?» А может это неправильный вопрос и невозможно пространственно определить то, что существует только во времени?

Я не думаю, что это неправильный вопрос. Моя позиция состоит в том, что мне интересно узнать, КАК ПОЯВЛЯЕТСЯ ощущение внешнего и внутреннего, почему происходит так, что возникает субъективное ощущение объективного существования внутреннего и внешнего как отдельных (лучше сказать, отделенных) друг от друга пространств. Дело ведь не в тривиальных логических выкрутасах типа «Сознание (субъективное) существует в мире, значит оно тоже объективно» или «Я могу переживать предмет, и это переживание, поскольку оно существует, является объективным, таким же объективным как и предмет».

Дело ведь вовсе не в том, чтобы локализовать психический аппарат (я тоже, как и Вы, пока не мыслю, как это возможно, и, кроме того, вообще считаю это занятие бессмысленным), а в том, что эта проблема, то есть проблема внешнего и внутреннего является фундаментальной для психологии в том смысле, что мы в нее фактически постоянно «упираемся». Ни для физики, ни для астрономии она не принципиальна. Но как только мы начинаем ответственно размышлять о сознании, то мы сразу же оказываемся перед лицом нескольких фундаментальных трудностей. Сейчас я хотел бы эти трудности обозначить, и может быть, после этого моя позиция и моя

попытка выработать некий подход к проблеме сознания покажется более понятной.

В чем первая фундаментальная трудность, когда мы говорим о сознании? Трудность в том, что сознание мы познаем сознанием же. Или (ужасно упрощая), мы пытаемся понять структуру и функции некоего устройства, используя для этого такое же устройство. Если мы подойдем к проблеме исторически, то увидим, что для преодоления этой трудности возможны три выхода (оставляя без внимания разного рода эклектические конгломераты профанного знания). Во-первых, можно принять какие-то основополагающие допущения (например, что сознание верно отражает реальность, даже когда оно отражает сознание же). Принять со всеми вытекающими последствиями, разумеется (включая и пресловутый вопрос о характере отражения и т.д.). Путь второй — обратиться к теоретическим моделям (даже к пространственным моделям), выводящим теоретические построения в плоскость мыслимых, или хотя бы представимых, содержаний. И третий путь — это использовать метафоры, насыщенные смыслом аллегории (что для науки не противопоказано, и об этом позже я еще скажу). Первым путем всегда шла и идет классическая психология, будучи, как я уже сказал наукой по преимуществу эмпирической, то есть (за редким исключением) строящей себя по образу естественных наук, базирующихся на эмпирических наблюдениях и т.д. Вторым путем (а это то же самое, что в цитируемом куске А. Эйнштейн связывал с понятием «идеализированного эксперимента») характерен для философски ориентированных психологов (Мерло-Понти «Феноменология восприятия», например). Типичные примеры использования третьей возможности — М. Мамардашвили и А. Пятигорский, Э. Кассирер, Э. Гуссерль и Ж.-П. Сартр (в работе о воображении).

Я не сторонник, как Вы уже поняли, первого пути. Хотя бы потому, что, когда мы говорим о сознании, мы имеем и вторую принципиальную трудность. Сформулирую ее так: сознание — это не то, что есть, а то, что становится. То есть само «наличие» сознания есть акт выхода из наличного, акт само-творения (если хотите, творения того, что ПОТОМ субъективно воспринимается как относящееся к внешнему или внутреннему). Для Л. Выготского, кстати сказать, это вообще было аксиомой — он вообще принципиально отказывался от изучения уже

сформированных, сложившихся психических функций, справедливо полагая, что их объективное исследование невозможно. Знаменитый объективирующий (или генетический, формирующий) эксперимент, выдвинутый Выготским и развитый его учениками, был и остается попыткой преодоления традиционного эмпиризма классической (то есть современной ему, да и нам) психологии.

С этим же связана и третья трудность. Если кратко, то состоит она в том, что сознание не есть психика. Сознание не равно психике. Об этом писал и Выготский (это, кстати, осталось не понятым). А ведь он достаточно жестко разделил высшие психические, культурные, функции (сознание), и низшие, элементарные, природные. У них разная структура, разная природа и разное происхождение. Соответственно, и разные законы функционирования. И только потом, гораздо позже (и на других основаниях) к этому же пришел М. Мамардашвили. Так вот, если «держаться»

16

все эти три трудности (а когда я говорил о рефлексии над основаниями, я именно их и имел в виду), то для адекватной теории сознания наиболее плодотворным является путь создания принципиально новых (не исходящих из простого эмпирического опыта) теоретических моделей. Но для начала можно (и нужно) обратиться к анализу основополагающей метафоры о внутреннем и внешнем.

Я тоже был бы не против узнать, как возникают переживания реальности вещей вне нас и переживания наших скрытых сознательных феноменов. Но здесь опять всплывает эта же проблема локализации, топологическая проблема. Вопрос «Как появляются субъективные переживания, в том числе, сознанием объективированные вовне?» неразрывно связан с проблемой локализации, месторасположения. К тому же, сознательная активность, очевидно, имеет энергетическое питание, она чем поддерживается... Как возможно только силой моего желания представить что-либо или достичь казавшихся ранее фантастическими высот в спорте, науке, ремесле или художественном творчестве? Не знаю, а все, что знаю по этому поводу, так это только то, что это возможно. В чем-то, может быть, повторяясь,

попробую лаконично обозначить принципиальные пункты моей позиции в отношении проблемы сознания. Итак,

1. Сознание существует как часть того действительного мира, где всё законосообразно, то есть произвольно.

2. Сознание должно рассматриваться в континууме физической реальности. Иначе говоря, как феномен объективно существующего и не нами произведенного, в отличие от культуры, мира.

3. Сознание не тождественно становлению, развитию сознания. Развитие (изменение, в широком смысле слова) характерно для любых живых, то есть способных к изменению, структур. Это не означает, что нет законов развития психики. Таковые, очевидно, существуют, так как человек изменяется — и это факт.

4. Продукты работы сознания становятся «культурными машинами» апостериори.

5. Ближайшее будущее психологии сознания связано с изучением психомеханики сознания. Построение психомеханической модели сознания — задача, решение которой уже возможно на современном этапе развития научно-психологического знания. На мой взгляд, нужно описать логику работы функциональных механизмов сознания как если бы работа сознания не зависела от состояния физиологического носителя и характера социального окружения. Описать в идеализированном, если угодно, виде. И то, что инструментом познания сознания как идеализированного явления, то есть сознания идеального субъекта служит сознание эмпирического субъекта, не может рассматриваться в качестве непреодолимого препятствия для исследования. В том, что это создает трудность, фундаментальную трудность, то это, конечно, верно. Но кто сказал, что самая сложная теоретическая аномалия должна легко устраняться? Функциональные механизмы или операторы сознания сами по себе не могут являться предметом эмпирического исследования. Об их функциональной активности можно единственно судить, опираясь на анализ эффектов деятельности сознания. В свою очередь, эти эффекты должны получать объяснение «в логике» работы сознания. На этапе построения психомеханики сознания необходимо объяснить, как сознание работает, откуда возникает

чувство субъективной очевидности происходящего, почему в каждый момент времени человек осознает часть воспринимаемой информации, что происходит с воспринятой, но неосознаваемой информацией, как сознание готовит решение об осознании, для чего необходима рефлексия и т.п. Возможно, что это потребует создания нового понятийного аппарата. Полагаю, что нельзя построить теорию о ненаблюдаемом, в том числе и о том, что недоступно для самонаблюдения, используя эмпирические понятия, которыми в психологии сознания, как правило, обозначают осознаваемые переживания, то есть сами эффекты деятельности сознания. Теория, претендующая на описание логики функционирования сознания, может быть только рефлексивного типа (коль мы взялись использовать эту терминологию) в отличие от эмпирических теорий. Этот этап можно было бы условно назвать «зоной актуального развития» психологии сознания.

6. Следующей важной задачей исследования сознания является соединение в одном концептуальном целом двух сфер: познание и моторика. Ведь сознание осуществляет не только познавательную активность, но и является отправителем моторных действий, образующих сложные моторные программы со своими алгоритмами, тактиками и стратегиями, критериями стоп-стартных решений. Как связаны познавательные контуры сознания с моторным контуром? Как желание, мысль или, например, образ, рисуемый воображением, трансформируется в чувственно воспринимаемое действие? Как моторика понимает «язык» познавательных контуров? На мой взгляд, именно эти вопросы определяют

17

проблемное поле исследований в «зоне ближайшего развития» психологии сознания. Очевидно, что в контексте исследований психомоторики сознания нельзя обойти стороной психофизиологическую проблему. Надо признать, что до сих пор, связь мозга с сознанием непроницаема для понимания. Может, мозг есть не только необходимое условие, при котором возможна сознательная активность, но и посредник, «переводчик» с языка познавательной сферы сознания на язык моторных действий?

7. Думаю, нам рано вводить представление о психической энергии, источниках энергетического обеспечения работы сознания, если мы не понимаем психическую механику сознания, его устройство. В отдаленной перспективе, психологической науке потребуются найти ключ к пониманию природы психической энергии. Тогда станет возможным объяснение психозенгетики сознания. Очевидно, что протекание психических процессов энергетически обеспечено. Но на сегодняшний день об энергетическом аспекте психической деятельности мы знаем, пожалуй, не больше, того, о чем поведал Фрейд еще столетие назад. Правда, само понятие «психическая энергия», довольно часто используется в научно-психологической литературе. (Но, чаще, конечно, в околонуточных кругах). «Психическая энергия» («умственное усилие») — один из базовых конструктов в ресурсной модели внимания Д. Канеман, который, кстати, признавал влияние на собственные взгляды идеологии психоанализа. Выделяют интенсивностные характеристики продуктов психической активности, например, говорят об интенсивности ощущения, эмоций, внимания, следообразования памяти и т.д. Но, несмотря на активное употребление понятия «психическая энергия» в научном обиходе, никто еще внятно не объяснил что это такое. Поэтому сегодня кажутся абсурдными вопросы, типа: Как её можно измерить? Что является единицей психической энергии? На этот счет нет ни хороших, ни даже, плохих идей. А какие идеи возможны, нельзя даже предположить, ибо если бы хоть что-то знали, то уже бы знали. Идея о психической энергии, если она будет воспринята научным сообществом, — естественно будет носить внепарадигмальный характер. Может тогда в психологии появится свой Эйнштейн. Но, может, этот период в эволюции психологической науки всегда будет оставаться «зоной виртуального развития». Этого тоже исключать нельзя. Однако, учитывая возраст психологии (если отцом её считать Вундта, а не Аристотеля), все же есть повод для оптимизма.

8. Что понимать под сознанием? Это главный вопрос, после прояснения, которого можно вести тематический спор. Сознание для Вундта, для Выготского и т.д. это разные, наверное, феномены.

9. С трудом себе представляю теорию сознания, построенную на метафорах. Нужно искать новый язык, другую терминологию, искать новые концепты — с этим, можно, пожалуй, согласиться, но метафорам, думаю, следует отвести вспомогательную роль.

Метафоры, конечно, не так точны с точки зрения формально-дескриптивной, но порой бывают глубоки с точки зрения плотности смыслов, упакованных в них. Во-вторых, в метафоре содержится возможность (как и в любой формуле) ее преобразования, соотнесения с другими метафорами, то есть возможность процедуры оперирования смысловым содержанием. Они просто могут открыть такие возможности, если, разумеется, не понимать слово «метафора» в банальном смысле. И они совершенно не противопоказаны научному дискурсу, а, наоборот, позволяют сам научный дискурс увидеть в ином измерении. Что я имею в виду, когда говорю о метафорах? Некоторые физики готовы говорить об основных представлениях физики как о метафорах. Так, скажем, Р. Джоунс полагает, что метафорами можно считать такие основополагающие представления физики, как пространство, время, материя и число. (Jones, (1983). *Physics as Metaphor*. New York: New American Library. P. 11). Но ведь для нас, психологов, проблема заключается еще и в том, что мы вынуждены прибегать к подобного рода метафорам, хотя бы потому, что анализ культурных символов и смыслов (которыми как раз и оперирует сознание, и из которых оно, как Вы правильно считаете, «состоит») может сказать нам гораздо больше об «устройстве» и работе сознания, чем анализ мозговых структур. Так вот, я считаю, что позиция «внешнее — внутреннее», которая имплицитно содержится в любом теоретическом психологическом построении, есть не более, чем метафора. А потому, даже лучше сказать «и хотя бы потому», может быть соотнесена с другими метафорами, из которых следует совсем иная аксиоматика.

Знаете, есть некоторое число «сумасшедших», и в культуре и в науке, которые просто упорно ставили под сомнение существование этой дихотомии: «внешнее — внутреннее». Христос в одном из апокрифических Евангелий говорит: «увидите внешнее как внутреннее и внутреннее как внешнее». У Гете в «Фаусте» находим «нет ничего у нас внутри, все, что внутри, то все у нас снаружи».

18

Замечу, не БЫЛО СНАРУЖИ, а стало внутри (интериоризация), и не наоборот, было внутри, а стало снаружи (экстериоризация), а все, что внутри, то все — снаружи.

Мне кажется, что подобные рассуждения не вполне убедительны, если под убедительностью понимать научную обоснованность, строгость, последовательность и прочие, существующие в науке замечательные вещи. За пределами научного дискурса эта убедительность, как в истории, рассказанной Кафкой, может превращаться в омерзительное животное. Грегору Замза, на мой взгляд, не хватало как раз метафорического отношения к жизни. Но это другая тема разговора. Я хотел лишь сказать, что не всякие метафоры уместны. Эффектность не всегда эффективна в доказательстве.

Теперь научные метафоры (и даже уже и не метафоры):

Гегель в «Науке логики» включил в область мышления многие внешние предметы, созданные человеком (об этом хорошо у Э. Ильенкова и нет необходимости этот тезис разворачивать) И опять Гегель: «Душа есть нечто всепроникающее, а не что-то, существующее только в отдельном индивидууме» (Гегель, 1977. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 3, с. 155). А разве сознание — это не то же самое, в смысле, что оно не капсулировано в индивидуе? Обратимся и к психологии. Помните, у Рубинштейна есть мысль о том, что «сердце» человека все соткано из его человеческих отношений (Рубинштейн С. Л. (1957). Бытие и сознание. М., с. 262–263) Метафора? Пусть так, но она как раз из тех метафор, которые позволяют увидеть нечто, что остается «закрытым» для эмпирических построений любого рода и любой степени сложности. Выготский писал, что мысль переходит в действие, а действие в мысль, а Запорожец — о том, что даже зрительный образ («первичное внутреннее», если хотите) невозможен без организованного движения во внешнем плане. Более того, Д. Винникот прямо говорит о том, что изначально у ребенка вообще нет никакого «внутреннего мира» в том смысле, что внутреннее и внешнее изначально едины. И как тут не вспомнить Д. Эльконию с его идеей об «изначальном Пра-Мы», из которого постепенно возникает «Я». Я вовсе не хочу, что называется,

прикрываться цитатами, но еще одну просто не могу обойти. Я имею в виду понимание сознания и реальности с точки зрения экологической теории психологии. Вот цитата из Г. Сколимовского: «Сознание..., воспринимая реальность или любой ее аспект, всегда перерабатывает их, причем сознание активно трансформирует реальность... «переработка реальности» и «трансформация реальности»... фундаментально неадекватны, так как предполагают, что существует «где-то там» автономная реальность, к которой сознание применяется и которую оно обрабатывает. Такая картина фундаментально неверна. Не существует *реальности как таковой*, которую сознание посещает и которую обрабатывает. Реальность всегда дается совместно с сознанием, которое осмысляет ее, причем акт осмысления является одновременно и актом трансформации. У нас не существует никакого представления о том, что такое реальность — *как таковая*, потому что всегда, когда мы думаем о ней, когда мы созерцаем ее (любым образом), *реальность неизменно предстает перед нами трансформированной нашими когнитивными способностями* (Skolimowsky, (1983). Model of Reality as Mind. In van der Merve (Ed.) Old and new questions in physics, cosmology, philosophy and theoretical biology. New York, Plenum, P. 779–780).

Конечно, формулировка эта впервые появилась у Декарта. И добавить к этому, пожалуй, можно только то, что никакой разницы между реальностью макро и реальностью микро миров (в физике субатомных частиц — проблема наблюдателя, который самим фактом наблюдения изменяет процесс). И ничего удивительного в этом нет. В работах Аршака Миракяна (мы к ним еще вернемся) именно и ДОКАЗАН создающий характер восприятия. Завершу еще одной метафорой. В. П. Зинченко писал о том, что это бесконечное человеческое задание — «держание» внутренней и внешней реальности отдельными, и в то же время взаимосвязанными и взаимодействующими».

Теперь попробую связать все сказанное в единый узел. Важно то, что «внешнее» и «внутреннее» не есть строгие научные факты в банальном смысле слова, но метафоры, метафорически они и осмысливаются. И вообще, что мешает подвергнуть сомнению простое существование внешнего и внутреннего как эмпирический факт, на котором ТОЛЬКО и можно строить теорию сознания? То, что

субъективно воспринимается как «внешнее» и «внутреннее», объективное и субъективное, отражаемое и отражение — не дано изначально. Так называемое внутреннее и так называемое внешнее *рождаются из одного корня*. И поэтому никакой переход извне вовнутрь и обратно невозможен, ибо это одно и то же пространство.

19

Если хотите — это новая метафора, которая «тянет» за собой принципиально новую аксиоматику для теории сознания, которая может быть на ней построена. Только дело в том, что у этой метафоры есть одно преимущество — аксиоматика, которая из нее следует, не остается слепой к тем фундаментальным гносеологическим трудностям, которые всегда есть, когда мы говорим о сознании (об этих двух фундаментальных трудностях я уже говорил). Более того, эта новая аксиоматика некоторым образом снимает эти фундаментальные трудности. И, наконец, она, эта аксиоматика, совершенно неэмпирична, но объясняет эмпирический опыт точно так же, как теория Коперника объяснила, почему эмпирически кажется, что Солнце вращается вокруг Земли, используя при этом совершенно неэмпирические допущения.

Я думаю, что начал Вас понимать, хотя многое из того, что Вы говорите, мне представляется не вполне логически обоснованным. Я не знаю, какие нужны метафоры, чтобы пролить свет на величайшую тайну: как, то, что я с очевидностью отношу к своему внутреннему миру — мысль, желание или образ воплощаются через телесный носитель во внешнем, вполне осязаемом действии? И как через это действие организуется внешнее пространство, наполняясь, в том числе, и культурными феноменами? Потом, я думаю, что продумывать до конца подобные вопросы не совсем безопасно. Хотя и очень хочется.

Разумеется, классическая психология гораздо более логически обоснована, чем тот подход, который я пытаюсь, по мере сил, разрабатывать. Но логика эта — снова повторю — есть логика эмпирического мышления, логика здравого смысла, логика очевидностей. Но неужели никакая иная логика невозможна для многострадальной психологии?

В завершающей части нашего разговора я позволю себе в самом кратком и, можно сказать в концентрированном, виде изложить основные положения той теории происхождения сознания, которую я пытаюсь развивать. Оговорюсь сразу: я не хотел бы здесь развернуто аргументировать каждое из положений — это потребовало бы слишком много места. Кроме того, такого рода развернутая аргументация (включая анализ некоторых экспериментальных данных) будет представлена в книге, над которой я сейчас работаю. Так что относитесь ко всему, что я сейчас скажу как к гипотезе, просто как к тому, что возможно. Иными словами, я просто хочу показать, что теорию сознания можно в принципе строить на иных, чем традиционно-эмпирические, основаниях и аксиоматике. Это собственно, те положения, которые связаны с тем, о чем я говорил выше, когда мы обсуждали и метафору «внешнее — внутреннее» и проблему рефлексивных и нерефлексивных теорий.

Начну с постулатов, а потом их прокомментирую.

Человек веками наблюдал закаты и восходы и убеждался, что солнце вращается вокруг Земли. На этом (путем эмпирических обобщений) была построена геоцентрическая модель Вселенной (с двумя несводимыми друг к другу механиками — земной и небесной). Гелиоцентрическая модель не только дала новый взгляд, показав, что механика одна, но и объяснила почему наблюдателю с Земли кажется, что Солнце вращается вокруг Земли. Человек воспринимает мир, как нечто внешнее, вне его находящееся (а значит, есть два мира — внешний и внутренний, с разными «механиками», настолько несовместимыми, что остается тайной, как внешнее становится внутренним и наоборот). Постулаты органической теории онтогенеза сознания, предлагаемые здесь, есть не только попытка предложить новый взгляд, но и попытка объяснить почему человек воспринимает мир, как находящийся вне его.

1. Онтогенез сознания происходит в шестимерном пространстве. Оно шестимерно без мистики и парапсихологии. Оно описано у А. Н. Леонтьева (4-мерное физическое, включая время + значение, которое он называл «квазипятимерным», у В. П. Зинченко (физическое, включая время + смысл как пятое измерение). Это же можно обнаружить и у Ю. Лотмана (смысловое пространство текста) и у М. Бахтина

(хронотоп). Это пространство интерсубъективно (= интрасубъективно) (в этом глубокое и нецененное пока *открытие* философа и психолога Ф. Т. Михайлова) и только в силу этого воспринимается как вне-лежащее объективное физическое пространство.

2. Это пространство открывается ребенком в процессе онтогенеза, только если будет построено совместно. Путь построения — взаимодействие реальных и идеальных форм (Выготский) (То, что Выготский определял как ЗБР, может быть представлено как частный случай существования разности потенциалов во взаимодействии взрослого и ребенка). Источник развития не в ребенке исключительно, и не в социальном мире

20

исключительно — а именно в постоянно создающейся и воссоздающейся (каждый раз на новой основе и в новом пространстве интерсубъективности), разности потенциалов. Это шестимерное пространство (пространство Культуры, в котором уже находится взрослый) не может быть открыто ребенку или ребенком сразу. Сначала ребенок строит двух-, потом — трех-, потом — четырех-, пяти- и шестимерные пространства. Они качественно отличны и несводимы друг к другу (например пятимерное — не есть четырехмерное + значение), они неразложимы на отдельные измерения (ортогонали). Появление (построение, создание) каждого нового измерения перестраивает все пространство целиком, качественно меняя субъективность «задавая» иную метрику, как *causa sui* психического. То есть развитие, как качественное изменение, можно представить в виде нелинейной геометрической модели (Dimensional model of development of mind)

3. Пространство строится движением, действием, (совместным или индивидуальным, хотя индивидуального движения или действия вообще не бывает, движение всегда совместное, хотя бы потому, что оно всегда является направленным и то, на что оно направлено тоже участвует в построении этого движения — см. понятие «производящее движение»). То, что Н. А. Бернштейн определял как преодоление пространства живым движением, есть результат построения пространства этим движением. Производящее движение дифференцируется (хотя изначально содержит!) на продуктивные (производящие) и

репродуктивные (воспроизводящие) компоненты. То, что А. В. Запорожец называл раскалыванием действия на практическое и теоретическое, есть частный случай общего процесса дифференциаций движения (а позже и действия) на продуктивные и репродуктивные. Первые — становятся предпосылками для построения пространства с +1 измерением, и основой для его восприятия (а значит, предпосылкой для возникновения произвольности), вторые — автоматизируются и «свертываются» в образ — который воспринимается именно как непосредственный симультанный образ «внешнего» пространства и предметов нем) и как бы «держат» образ пространства и предметов в нем (так появляется непосредственность восприятия). Этим объясняется феномен «повторения без повторения», обнаруженный Н. А. Бернштейном. Интериоризация, есть, таким образом, частный (и иногда искусственный) случай дифференциации, которая с точки зрения линейной модели (не пространственной, как предлагается здесь) выглядит как интериоризация или «отражение» внешнего предмета в сознании.

4. Поскольку пространство (любое из всех перечисленных) всегда субъективно — оно смыслочувственно, оно никогда не пусто, оно наполнено собственными движениями (в широком смысле = движениями души) и откликами другого. Это пространство взаимодействия реальных и идеальных форм. Следовательно, сознание есть там, где есть смыслонаправленное и смыслонесущее движение, действие (неважно — внешнее или внутреннее), т.к. в пространствах интерсубъективности = интрасубъективности вообще нет ни внешнего, ни внутреннего. То, что воспринимается как внешнее и то, что воспринимается как внутреннее имеет общий генетический корень — производящее движение «внутри» взаимодействия идеальной и реальной форм. Образ предмета (и сам предмет) возникает не потому, что он пассивно (или даже активно) воспринимается, а потому, что он строится (творится) и постоянно воссоздается в пространстве интер=интрасубъективности. Поэтому способность творческого воображения и память являются фундаментальными психическими процессами, лежащими в основе всех без исключения других психических процессов и функций.

Теперь — комментарии. Обращаю внимание, что в постулатах говорится о пространстве шестимерном, а в комментариях — о пятимерном. Дело здесь в том, что все эти пространства имеют временную составляющую. Они являются по существу пространственно-временными образованиями (spatial-temporal units), или, если использовать физический термин, «пространственно-временными континуумами», то есть они хронотопичны. Но для простоты изложения, порождение временной составляющей этих пространств опущено: иначе потребовалось бы слишком много места. Однако в целом это не меняет общую картину.

Итак, в основе образа (и элементарного перцептивного образа и образа мира в широком смысле) лежит особый вид движения, который я называю «производящее движение». Для того, чтобы это стало более ясно, попробую сформулировать это несколько иначе. *В основе сознания не отражение, а порождение.* То есть и психика и сознание возникают не как отражение, а как порождение. Для того, чтобы образ появился, он должен быть построен через систему движений. Более того, для того, чтобы появился образ предмета в пространстве (которое воспринимается субъективно

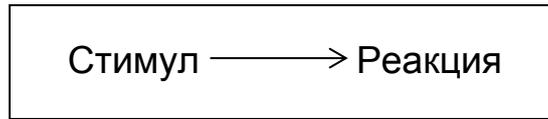
21

как пространство внешнее — то есть физическое), это пространство должно быть создано, построено. Только ради Бога не подумайте, что это какой-то субъективный идеализм. Я — о другом. Это можно было бы проиллюстрировать двумя мысленными картинками. Картинка первая: Вы смотрите на себя в зеркало и видите свое отражение. Но это отражение зеркальное и поэтому если Вы наклоните голову вправо, то и отраженная в зеркале голова наклонится в эту же сторону. Это пример элементарного отражения. Когда же мы говорим об отражении психическом, то здесь ситуация принципиально иная. Я смотрю на предмет (и даже, допустим, у меня есть его «отраженный» образ), и двигаю голову вправо. То есть относительно предмета я сделал движение вправо. Можно ли сказать теперь, что относительно моей головы сам предмет передвинулся влево? Они просто изменили свое местоположение относительно друг друга, вот и все, правда? Таким образом легко понять, что в этом моем движении относительно

предмета сам предмет тоже участвует и участвует вполне динамически. Теперь я формулирую вывод — в этой картинке (это, разумеется, не более, чем иллюстрация) показано, как создается пространство и время, которое субъект, через некоторое время и при некоторых условиях, начинает субъективно воспринимать как внешнее физическое пространство и время, в котором находятся предметы и он сам. То есть, иными словами, появляется субъективное ощущение пространства как некоторого места, в котором находятся предметы.

Теперь картинка вторая. Представьте себе раскачивающийся маятник конусообразной формы и две тени от него (например на стене и на полу). Понятно, что эти две тени выглядят совершенно по-разному, хотя они буквально «произведены» качающимся маятником. А теперь давайте представим себе некоего наблюдателя, который видит только эти тени (кстати сказать, сами тени вполне подвижны), но, в силу каких-то причин не видит самого маятника. Попробуем спросить у него: «Как Вы думаете, каков принцип соотношения движения этих предметов (теней) и как они между собой связаны?». Мы наверняка получим какой-то ответ от наблюдателя. Но стоит нам изменить вопрос на «Объясните, каким образом тень А (которая на стене) трансформируется в тень Б (которая на полу)», так сразу начнутся трудности. Именно в таком положении находится эмпирическая психология, завязанная на постулате отражения. Она пытается соотнести непосредственно (ну точь в точь как в первой картинке с зеркалом) предмет (внешний) и его образ (внутренний), то есть понять, как тень А трансформируется в тень Б. Как Вы понимаете, в случае с тенями дело это абсолютно невозможное, если не допустить (в качестве гипотезы), что просто существует маятник, который и порождает эти тени, определяя связь между ними. Точно так же и я просто предположил, что существует производящее движение, которое буквально порождает и само пространство и его субъективный образ. Не отражение, а порождение в основе психики и сознания. Кстати, если быть честным, то идея эта не нова. На **порождение** образа обращали внимание и Кант (который, как известно, считал воображение фундаментальной, основной функцией сознания, на которой строятся все остальные), и А. Бергсон. И как тут не вспомнить моего Учителя Феликса Трофимовича Михайлова, который настойчиво повторяет, что в основе сознания лежит креативная

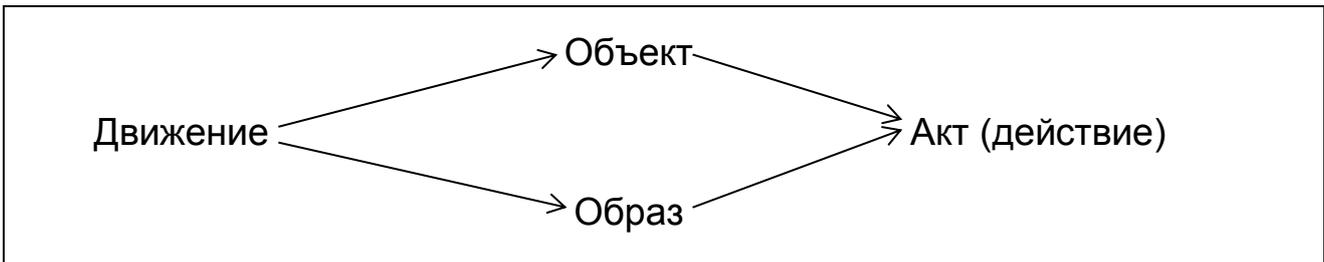
способность души. Образ не возникает просто так, он строится. Но не буду отвлекаться. Итак, от классической схемы

или в другом, но принципиально не отличающемся варианте

мы можем (по крайней мере, это не является невозможным) перейти к иной:

Понятно, что в этом случае, объект нельзя характеризовать как «внешний», а образ как «внутренний», потому что они *произведены* движением, и сохраняются через действие (известно, что при искусственном прерывании перцептивных действий глаза образ исчезает). Я не хотел бы (повторю) развертывать аргументацию по этому поводу, однако мне представляется, что нет никаких принципиальных препятствий для того, чтобы его принять хотя бы как гипотезу. Теперь шаг второй. **Не переход внешнего во внутреннее (не**

22

интериоризация), а дифференциация движения (действия) обеспечивает развитие сознания. Помните, я говорил, что сознание можно (только и можно) исследовать в развитии, в становлении. Ставшие функции открыты (если открыты, что бывает крайне редко) только для интроекции. Но здесь есть одно очень существенное

обстоятельство — мы не можем строить адекватную теоретическую модель развития, ибо сам процесс постоянно ускользает — мы всегда имеем дело с наличными состояниями и, сравнивая их (было так, а стало вот так), делаем выводы о развитии. Понятно, что это следствие голого эмпиризма. Нужен иной подход, как мне представляется. Так вот я ввожу понятие о качестве пространства. Здесь чистая геометрия (и Декарт, и Лобачевский) и придумывать ничего не надо. Трехмерное пространство качественно отличается от двухмерного. Трехмерное пространство не является простой суммой трех измерений и не может быть к ним редуцировано без разрушения. Оно даже не является суммой двух двухмерных пространств. Оно вообще не может быть разложено на отдельные измерения без разрушения. То же самое относится и пространствам трех- и четырехмерным. Более того, согласно Эйнштейну, пространство не пред-существует. То есть пространство (и время) создаются движущимися телами. Тела своими движениями создают пространство. То есть можно сказать, что нам вероятнее всего удастся построить теоретическую модель развития (и возникновения) сознания в том случае, если мы сможем обнаружить те движения (телесные и ментальные), которые порождают новые качественно отличные друг от друга пространства (и объекты в них, разумеется). То есть речь идет о создании сначала двух, потом трех-, потом четырех-, и наконец пяти-мерных ментально-физических пространств, которые в силу своей топологии качественно друг от друга отличаются. Нечего и говорить, что развитие здесь понимается именно как качественное изменение. В этом случае уже можно говорить об уровнях построения (организации) движений, которые расщепляются, дифференцируются, и, сокращаясь, превращаются в (1) ощущаемое пространство (кажущееся внешним, но на самом деле порождающееся, поддерживающееся постоянно производящим движением, и потому в той же степени являющимся внешним как и внутренним) и (2) в образ предмета, который в этом пространстве находится и потому тоже является по сути образом движения, как бы свернутым в образе объекта (это вытекает из первого постулата). И теперь осталось только кратко описать эти уровни построения движения с выявленными точками дифференциации. Прежде чем перейти к самой модели, я все же хотел бы сделать два принципиальных замечания. Во-первых, пространства, о

которых будет идти речь (двух-, трех-, четырех- и пяти-мерные) ничего общего не имеют с парапсихологией и прочими вещами. Наоборот, это вещи вполне реальные. Просто напомню, что А. Н. Леонтьев ввел понятие «четвертого измерения» предмета, имея в виду его значение (общественный способ использования этого предмета), и это вполне понятно с точки зрения психологии деятельности. Так что никакой мистики здесь нет, и, смею надеяться, здесь мы остаемся в поле науки.

Если Ваше рассуждение о пространстве расщепить на отдельные семы, то, вроде бы что-то понятно, в целом же, понимание рушится. Всё то, что Вы говорите о пространстве, но взятое со знаком «минус», приложимо к моему пониманию Ваших размышлений. Почему пространство имеет временное измерение? Или. Почему «значение» это пространственная категория?

Во-вторых, я хотел бы сказать, что объясняя модель (или, если угодно, доказывая ее право на существование) я буду ссылаться на некоторые экспериментальные исследования, просто для того, чтобы мое теоретизирование не выглядело как свободная игра больного ума или как безответственное заявление. Однако, я буду именно ссылаться на эти исследования (которые, кстати сказать, хорошо известны), не раскрывая деталей (просто я говорил уже, что подробная аргументация заняла бы слишком много места). Так вот, моя модель (по-английски она называется Dimensional Model of Development) выглядит следующим образом.

1. Первый уровень в генезисе сознания есть «производящее движение». Если говорить без подробностей, но по сути, то это движения, которые совершает плод в чреве матери, и те движения, которые с первого момента появления на свет начинает активно производить ребенок (кстати сказать, он это делает всеми доступными для него частями тела, включая собственные глаза). То есть это именно те движения, которые в классической психологии описываются как хаотические движения новорожденного, и с которыми знаком каждый родитель. Но почему я их характеризую как «производящие»? Я просто отсылаю Вас к первому

постулату, добавляя к нему здесь то, что эти движения на самом деле вовсе не хаотичны (хотя и не координированы). Что же они производят? Они производят то, что впервые обнаружил Ж. Пиаже (и мимо чего, кстати прошли многие его последователи, а жаль). Пиаже обнаружил, что через некоторое время ребенок начинает отделять свое тело от окружающего мира, то есть фактически приходит к «выводу» о том, что окружающий мир не является простым продолжением его тела. В этом смысле можно сказать, что эти движения буквально порождают двухмерное пространство (Я — не Я), хотя, разумеется, реально ребенок находится в шестимерном (надеюсь, понимаете, о чем я говорю) пространстве. Но откуда мы знаем, что это именно так? Здесь сошлюсь на блистательные (и, на мой взгляд, до сих пор не оцененные) исследования А. Миракяна (см. Миракян А. И. Психология пространственного восприятия. Ереван: «Айастан», 1990, и Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. (Книга 1) М., Институт психологии РАН, 1999). Кроме того, через некоторое время «производящие движения» дифференцируются на «продуктивные» и «репродуктивные». Продуктивные, которые осуществляются уже во «внешнем» пространстве, создают предпосылки для перехода к следующему уровню, а репродуктивные начинают просто «поддерживать», держать, репродуцировать это «внешнее пространство», в котором становится возможным пространственно координированное движение. При этом репродуктивные движения сокращаются таким образом, что ребенок действительно начинает ощущать «Не-Я» как внешнее пространство (хотя на самом деле, оно продолжает создаваться, воссоздаваться, строиться, воспроизводиться его собственными «производящими движениями», точнее их репродуктивными компонентами). Так (если говорить ужасно упрощенно) ребенок **входит** в окружающее пространство, одновременно его и выстраивая. И, заметьте, никакого психического отражения внешнего мира здесь просто нет.

2. Второй уровень — это уровень «живого движения». Я не случайно использую термин, введенный Н. Бернштейном. Просто потому, что именно в его исследованиях был сделан развернутый и очень глубокий (и экспериментальный и теоретический) анализ порождения образа из движения и даны описания уровней построения

движений. Просто сошлюсь: Бернштейн, Н. А. Очерки по физиологии движений и по физиологии активности, М.: Медицина, 1966. Впрочем, на некоторые вещи здесь стоит, по-моему, обратить пристальное внимание. Во-первых, по Бернштейну, живое движение есть не реакция (часть рефлекса) а **акция** по исследованию окружающего пространства и в структуре **самого** движения есть внешние и внутренние компоненты — это к вопросу об отражении, кстати сказать. Во-вторых, в основе любого живого движения лежит двигательная задача, или, в его терминологии, «образ потребного будущего», то есть все та же креативная способность (способность строить образ из себя, перевод во образ = воображение). Развивая представления Бернштейна, можно лишь сказать, что если с его точки зрения живое движение «преодолеывает внешнее пространство» или «овладевает внешним пространством», то с точки зрения идей, которые я пытаюсь развивать, можно было бы уточнить, что «преодоление» и «овладение» есть одновременно его построение, про-из-ведение, и поддерживание, то есть процесс креативно-динамический. Если говорить кратко, то на этом уровне происходит вот что. Во-первых, живое движение строит, порождает третье измерение, и соответственно, трехмерное пространство, которое, как я уже говорил, качественно отличается от пространства двухмерного. Происходит координация между репродуктивными компонентами «производящего движения» (то есть тем, что уже ощущается субъектом как стабильное, и даже изначально данное «внешнее пространство», объективное и от него не зависящее) и живым движением (привносящим третье пространственное измерение и тем самым радикально его реорганизуя). Через некоторое время (когда оказываются сформированными координационные функциональные органы, обеспечивающие решение двигательной задачи и, соответственно реализацию «образа потребного будущего»), происходит постепенная дифференциация живого движения на два вида — продуктивный и репродуктивный. Факт такой дифференциации доказан в экспериментальных исследованиях А. В. Запорожца и В. П. Зинченко (см их статью «Восприятие, движение, действие». А. В. Запорожец, Избранные психологические труды. В 2-х томах. Т. 1. С. 119–153). Именно ввиду этой дифференциации субъект начинает воспринимать предметы так, КАК БУДТО они находятся во внешнем

трехмерном пространстве. То есть, если говорить очень сжато и упрощая, то репродуктивные компоненты постепенно сокращаются, автоматизируются, превращаясь для субъекта в симультанный и стабильный образ пространства вместе с предметами в

24

нем. На мой взгляд (и здесь я опять немного развиваю идею Запорожца) само существование этого трехмерного (физического) пространства обеспечивается «репродуктивным компонентом» живого движения, то есть оно фактически постоянно воссоздается. Здесь очень уместна аналогия (при этом я прекрасно понимаю, что аналогия не может быть доказательством, поэтому скажу — иллюстрация) с кинопроекцией и зрителем, смотрящим на экран, с той только разницей, что на экране реальное трехмерное изображение (но нет никаких реальных предметов), и нет кинопроектора — изображение появляется из движений самого смотрящего фильм. Иными словами, репродуктивные компоненты живого движения «поддерживают» трехмерное пространство, тогда как продуктивные его компоненты обеспечивают появление образов предметов, как бы в этом пространстве находящихся. Так возникают предпосылки для появления следующего уровня — уровня предметного действия (и, соответственно, четвертого измерения). Единственное, что еще можно здесь добавить, так это то, что на этом уровне движение становится произвольным. Кстати сказать, меня всегда смущало положение Бернштейна о том, что изменение в уровнях построения живого движения зависит от того, что организм переходит к жизни в «вещно оформленной среде». Только ни у него (ни у А. Н. Леонтьева) нет объяснения, с чего это вдруг организм начинает переходить к жизни в «вещно оформленной среде». Похоже, что предлагаемая мной на обсуждение модель дает ответ на этот вопрос. Кроме того, на этом уровне происходит относительная автономизация образа пространства и предметов в нем (то есть фактически рождение так называемого внутреннего мира) и это, кстати сказать, является предпосылкой для появления (но уже на следующем уровне) таких, с точки зрения классической психологии совершенно внутренних, явлений, как внутренний план действия и рефлексия. Или, говоря проще, образ начинает восприниматься именно как внутренний образ

некоторого внешнего предмета, находящегося во внешнем же пространстве.

3. Уровень 3 я называю уровнем предметного действия в создающемся и воссоздающемся четырехмерном пространстве intersубъектности. Достаточно трудно дать его сжатое описание, поэтому остановлюсь на главном, прекрасно понимая при этом, что это может осложнить понимание сути дела. Так вот, главное здесь в том, что предметное действие (под предметным действием я понимаю именно то, что понимал А. Н. Леонтьев), является действием производящим. Оно производит четырехмерное пространство (трехмерное + значение). «Значение» предмета, я опять же, понимаю в духе А. Н. Леонтьева, как зафиксированный в предмете общественный способ его использования. Понятное дело, что самостоятельно (без общения со взрослым) ребенок открыть значение предмета не может. Поэтому, четырехмерное пространство есть пространство intersубъектное. Единственное (и это принципиально), что отличает мою схему от схемы А. Н. Леонтьева, состоит в том, что с моей точки зрения это пространство динамическое, а точнее — креативно-динамическое. Наше собственное экспериментальное исследование показало, что в этом пространстве наблюдается феномен, который я обозначил как «объективация смысла» (*objectification of sense*). Не углубляясь в детали, просто сошлюсь на публикацию (Вересов Н., Хаккарайнен П. (2001). *Narrative learning. Developmental perspectives*. [Сюжетное обучение. Развивающие перспективы]. Преимущество ступеней в системе развивающего и развивающегося образования. Сборник научно-методических статей. Под ред. В. Т. Кудрявцева. Москва. С. 121–138). Суть здесь в том, что пространство intersубъектности строится не только взрослым, но и ребенком не по логике «значение — смысл» (как это выглядит у А. Н. Леонтьева и вообще у всех представителей деятельностного подхода), а по логике «смысл — предмет — значение». Иными словами, для того чтобы ребенок смог открыть значение предмета (с помощью взрослого), он должен как бы выполнить свою часть работы, поместив этот предмет (с которым он действует) в свое собственное *смысловое* пространство, которое им самим должно быть построено. В наших экспериментальных сериях мы собственно и исследовали динамическую структуру этого

смыслового пространства ребенка. То есть, с моей точки зрения, личностный смысл (я предпочитаю все же говорить «индивидуальный смысл») не есть производное от значения предмета, не есть «субъективное значение значения», как это представлено у Леонтьева, не есть нечто вторичное, но есть новое изменение пространства, некоторое, если хотите, полевое образование (сравните «видимое и смысловое поле предмета» у Выготского). Значение предмета, таким образом, есть «сгусток» смысла. Только существование (построение и постоянное воссоздание) этого пространства делает возможным появление предметного (в смысле Леонтьева)

25

действия. На этом уровне тоже происходит дифференциация — действия по объективации смысла дифференцируются на продуктивные и репродуктивные. Продуктивные — это и есть те самые предметные действия, открывающие (во взаимодействии со взрослым) значения предметов, а репродуктивные начинают поддерживать, каждый раз заново воссоздавать смысловое четырехмерное пространство, которое поэтому не может быть характеризовано в терминах «внешнее» и «внутреннее». Сокращение, автоматизация действий по объективации смысла приводит к тому, что субъект начинает воспринимать (как бы непосредственно) предметы как бы лежащими перед ним, но уже вместе со своими значениями. Это, кстати сказать, приводит к иллюзии того, что эти значения могут быть из предмета «извлечены», и интериоризированы, если деятельность ребенка организовать соответствующим образом. Но как видно из всего предшествующего, это совсем не так. Не хочу говорить жестко, что интериоризация невозможна, скажу иначе: то, что в классической психологии называется «интериоризацией», то есть переходом извне вовнутрь, есть одностороннее описание процесса дифференциации производящих движений и продуктивных компонентов действий. Понятие дифференциации вообще снимает проблему всяческих переходов — и образ и предмет находятся в одном и том же динамическом пространстве, которое строится и воссоздается через движения и действия и не является ни внутренним, ни внешним, хотя (в силу сокращения и редукции репродуктивных компонентов) воспринимается как внешнее или внутреннее.

4. И наконец, четвертый уровень, который можно назвать уровнем свободного творческого действия в пространстве культурных смыслов. Это, собственно говоря, и есть то, что Бахтин обозначал как «хронотоп». Строящееся, порождающееся здесь пространство можно назвать пятимерным (и хотя оно, разумеется неразложимо на проекции, но просто для удобства их можно перечислить: трехмерное (то есть ощущаемое, воспринимаемое как внешнее, объективное) + индивидуальный смысл + культурный смысл). Это и есть пространство сознания, которое фактически состоит (здесь я вспоминаю Вас) из смыслов. Но поскольку смысл — полевое образование (да еще воссоздающееся), то индивидуальный смысл поэтому не есть нечто внутреннее, и не есть нечто внешнее. Более того, это пространство, основными системообразующими измерениями в котором являются смыслы индивидуальные и смыслы культурные. Напомню, что по Выготскому «смысловые образования первоначально существуют вне индивида... в произведениях искусства...» Кстати, по Лотману, художественный текст имеет два измерения — сюжет и смысловую позицию, выраженную в сюжете (смысловое измерение текста), а то, что смысл (культурный) есть системообразующее понятие культуры вряд ли можно оспорить (см. например С. В. Бородавкин. Смысл как системообразующее понятие культуры. Человек, 4, 2002). Так что для меня сознание и культура (точнее, пространство сознания и пространство культуры) это одно и то же, невзирая на то, что субъекту они даны как нечто внутреннее (сознание) и внешнее (культура). Понятно, что топология этого пространства весьма сложна, однако у нас есть по крайней мере одна работа, где эта топология (или, точнее сказать, структура) очень хорошо описана (см. Конев В. А. Человек в мире культуры. Саратов. 2000). Понятно, что здесь представлена очень упрощенная картина всех уровней. Но, как мне кажется, она вполне соответствует исходным постулатам, и подтверждается экспериментально (и не только идеализированными экспериментами). Много в описании этой модели мне пришлось опустить, дабы не погружаться в пучину деталей. Я хотел показать общий подход, возможность построения теории возникновения сознания, свободную от эмпиризма и дуализма. Последнее, что я мог бы к этому добавить, так это то, что, если иметь в виду, что эти уровни сменяют друг друга и что

появление каждого нового просто реорганизует предыдущий, мы имеем вполне определенное понимание развития. Иными словами, развитие для нас есть не смена одного уровня другим (как например у Пиаже), и не изменение от простого к сложному. Развитие мы понимаем как реорганизацию системы (органической системы) путем создания новых органов этой системы (то есть в соответствии с идеей органического единства Гегеля). И в этом смысле мы могли бы сказать, что предлагаемая модель есть начало органической (немеханической и нелинейной) психологии сознания.

Чтобы нам не оказаться там, где уже все понятно, давайте на этом закончим. Спасибо Вам за интереснейший разговор.